

Экономическая демократия: Идея, Чье Время Пришло, в который раз?

Ричард Хайман

«Возврата к прошлому быть не может» – таков был единогодушный ответ профсоюзов на мировой кризис. Некоторое время в начале 2009 года сама законность капитализма подвергалась сомнению в самых неожиданных местах. В мае 2009 года германская конфедерация профсоюзов *Deutscher Gewerkschaftsbund* провела «Конгресс по капитализму» – используя формулировки, которые в течение десятилетий были бы под запретом, – и ее президент предупредил о волнениях на улицах, если рабочие места не будут защищаться более эффективно. Один из лидеров DGB Клаус Матецки настаивал на том, что важно говорить о капитализме, а не использовать привычный, но пресный термин *soziale Marktwirtschaft* (социальная рыночная экономика), ибо только таким образом профсоюзы могли четко и ясно заявить, что существующий экономический порядок исторически зависел и был основан на фундаментальном неравенстве между рабочими и работодателями.¹ Однако продолжения не последовало.

По всей Европе в действиях профсоюзов были видны два знакомых и пересекающихся противоречия. Одно из них – дилемма, заставляющая выбирать между насущными и острыми потребностями и долгосрочными целями. Состояла ли цель в том, чтобы на переговорах с предрержащими политической и экономической власти добиваться минимизации ущерба и, возможно, более жесткой структуры регулирования финансового капитализма, или в том, чтобы возглавить оппозиционное движение за альтернативный социально-экономический порядок? Как заметил один бельгийский профсоюзный лидер-социалист: «Ситуация, на самом деле, для профсоюзных организаций совсем не простая. Анализ кризиса несложен: неолиберализм принципиально не работает. Сложность заключается в том, что сегодня одних разговоров мало. Легко сказать: нам необходимо изменить баланс сил. Но это не говорит нам, что делать дальше... Наши члены ждут, что мы будем решать их сегодняшние, неотложные проблемы».

Второе противоречие возникло между мировым по масштабу экономическим кризисом и профсоюзными действиями, которые, в основе своей, носят национальный или даже суб-национальный характер. Международные профсоюзные организации провели

мощные, убедительные анализы и выдвинули прогрессивные требования, но их воздействие на повседневную практику профсоюзной работы на местах было равно нулю. В самом деле, доминирующей ответной мерой на кризис была защита и повышение конкурентоспособности, что означало борьбу одной страны против другой, одного предприятия против другого, которая еще больше усиливала давление на зарплату и условия труда.

К этим двум противоречиям следует добавить утрату видения альтернативного социально-экономического порядка. Фактически, «существующий социализм» дискредитировал идею коммунизма задолго до падения Берлинской стены. Социальная демократия аналогичным образом прекратила борьбу за новое социальное устройство перед лицом тяжелой экономической ситуации, занявшись выторговыванием уступок у транснационального капитала и международных финансовых организаций. Центристско-левые профсоюзные деятели выступили против «нового, сверхмощного капитализма» хеджевых фондов, рейдерских захватов, финансовой спекуляции и астрономических премий. Решение, как казалось, состояло в попытке реставрировать старый капитализм: профсоюзное движение должно «стать поборником добросовестной практики ведения бизнеса, достойных отношений с достойными работодателями при безжалостной борьбе со спекулянтами».²

Так был ли шанс, предоставленный кризисом, на самом деле упущен? Возможно, одним из способов увязать краткосрочную (и, вероятно, безрезультатную) защиту насущных интересов с борьбой за новый мир труда могло бы стать возвращение к идее экономической демократии. За последние два года было много дебатов о недостатках существующих систем корпоративного управления, особенно с учетом того, что либерализация глобальных финансовых транзакций сделала «доходность для акционеров» главной целью корпораций даже в «координируемых» рыночных экономиках.³ Это решение, однако, не может заключаться просто в

некоем технократическом ремонте системы регулирования – необходим демократический контроль над капиталом. Пережив шок кризиса, некоторые профсоюзные политики пришли к признанию того, что главнейшей трудностью и задачей является создание движения за повышение демократизации экономики и создания новых связей между различными уровнями регулирования и различными вопросами повестки дня регуляционного процесса.

Системы «совместного управления предприятием» официально закреплены во многих странах Европы, предполагая осуществление права коллективного представительства через деятельность советов предприятий, а в некоторых странах и представительство работников на уровне правления компаний. Такие механизмы отражают настоятельное требование признать, что компании не просто являются частной собственностью держателей их акций, поскольку сами работники являются «заинтересованной стороной» с своим законным интересом в формировании конечных целей и политики корпораций. Однако даже в случае самых сильных систем советов предприятий их основная юрисдикция касается вопросов найма и занятости, которые возникают уже после того, как были приняты ключевые решения по инвестиционной и маркетинговой стратегии: как отметил два десятилетия назад один немецкий профсоюзный эксперт, чем большее стратегическое значение имеет вопрос для руководства компании, тем меньшее влияние на него имеют советы предприятий.⁴ Это становится особо острой проблемой в периоды экономических бедствий, поскольку основанные, главным образом, на уровне предприятий или истеблишмента механизмы «совместного управления» вынуждены адаптироваться к навязанным извне императивам возросшей мировой конкуренции и могут оказаться неспособными сделать больше, чем просто подписаться под приоритетами руководства. Оставаясь формально нетронутой, машина совместного управления предприятиями перестает быть эффективным механизмом утверждения и защиты интересов работников.⁵ Чтобы бороться с этой эрозией эффективности, «промышленная демократия» должна быть расширена, чтобы охватывать всю корпоративную стратегию целиком: другими словами, она должна быть расширена до экономической демократии.

Элементы такой стратегии можно найти в идеях, разработанных Фрицем Нафтали для германских профсоюзов в 20-х годах прошлого века,⁶ которые оказались влиятельными в профсоюзных движениях

Германии и Австрии в первые послевоенные годы. Главной целью была социализация экономики, но достигать ее следовало не обязательно и не исключительно посредством государственной собственности [на средства производства], а посредством более разнообразных форм общественного контроля. Такие идеи помогли вдохновить шведские профсоюзы на выдвижение в 1970-х годах требований о создании «фондов наемных работников» ('wage-earner funds'), разработанных Рудольфом Майднером (Rudolf Meidner) (социалистом немецкого происхождения).⁷ Сутью этой политики было учреждение *коллективного* собственности работниками на часть прибыли от успешной работы корпорации в форме акций некоего фонда, находящегося под профсоюзным контролем. Это, как предполагалось, могло бы обеспечить усиление контроля над стратегическими решениями в доминирующих частных компаниях. Как впоследствии соглашался и сам Майднер, политически разумным был бы более гибкий пакет предложений; разумеется, в странах с гораздо более низкой плотностью профсоюзного членства, чем в Швеции, привязка контроля над коллективными фондами к одним только профсоюзам не является жизнеспособной стратегией (особенно, учитывая скандалы прошлых лет, связанные с принадлежащими профсоюзам предприятиями в Германии и Австрии). Равно как и не мог бы план Майднера без проблем функционировать в эпоху глобальных финансовых рынков. Тем не менее, некоторые из его тем являются особенно уместными в ситуации, когда банковский сектор был спасен за счет перечисления огромных государственных средств; демократизация права собственности должна быть логическим следствием. Более того, хотя профсоюзное движение поддержало требование о введении налога на финансовые сделки, вопрос его осуществления обсуждался мало. Почему не использовать эти поступления не просто для того, чтобы заткнуть дыру в национальных бюджетах, а создавать инвестиционные фонды под общественным управлением, связанные с демократизацией пенсионных фондов (которые, по сути, являются отсроченной зарплатой трудящихся)? Это вопросы, которыми профсоюзам обязательно следует заняться.

Эта тема подводит нас к более широкому вопросу: какие возможности для экономической демократизации существуют в пространстве между государством и рынком? Рабочее движение имеет большие традиции кооперативного производства и распределения, хотя во многих странах такие

кооперативы давно видоизменились, превратившись в обычные коммерческие предприятия. Но мелкомасштабная кооперативная экономическая деятельность часто оказывалась в состоянии выступить некой противодействующей силой в процессе превращения аспектов общественной жизни в товар, особенно на глобальном Юге. Примечательным примером признания этой роли стало принятие индийской Ассоциации самозанятых женщин (SEWA) в МКП в качестве учредителя.⁸ Содержат ли такие движения уроки для профсоюзов промышленно развитых стран? Во франкоязычном мире, по крайней мере, понятие «социальной экономики» пользуется растущим вниманием левых сил.⁹ Творческий подход к преодолению кризиса должен бы использовать подобные идеи.

Могут ли экономическая демократия и капитализм сосуществовать? Если главная движущая сила капитализма в двадцать первом веке предполагает огромные концентрации бесконтрольной частной экономической мощи – а именно так, возможно, и обстоит дело, – ответ ясен: нет. Можно снимать с луковицы слой за слоем, но нельзя снимать шкуру с тигра коготь за когтем... Однако простой антикапиталистический ответ на кризис не стоит в текущей политической повестке дня. Чтобы завладеть сердцами и умами, рабочее движение должно начать такую кампанию против глобального игорного капитализма, которая будет связана с заслуживающим доверия набором альтернатив для строительства социально ответственной экономической жизни. В краткосрочной перспективе, возможно, кампания за «добропорядочный капитализм» может быть единственной политически реализуемой.¹⁰ Что нужно на данном этапе, так это, говоря словами Грамши, «позиционная война». Идея экономической демократии открывает перспективу народного влияния на принятие решений, которая могла бы вселить новую энергию в профсоюзы как общественное движение и помочь начать борьбу за подлинно альтернативную экономику – такую, при которой, кстати, и сами профсоюзы имели бы большой шанс процветать.

¹ Клаус Матеcki (Claus Matecki), «Почему мы говорим о капитализме» ('Warum wir vom Kapitalismus reden'), *der Freitag*: 26 июня 2009.

² Джон Монкс, *Проблема нового капитализма (The Challenge of the New Capitalism)*, лекция на мемориале Бивана (Bevan Memorial), 14 ноября 2006.

³ См. Джон Питерс (See John Peters), «Взлет финансов и упадок организованного труда в развитых капиталистических странах» ('The Rise of Finance and the Decline of Organised Labour in the Advanced Capitalist Countries'), журнал *Новая политическая экономия (New*

Political Economy) 16(1), 2011.

⁴ Ульрих Брифс (Ulrich Briefs), «Совместное управление предприятием в Федеративной Республике Германия: Оценка векового опыта» ('Codetermination in the Federal Republic of Germany: An Appraisal of a Secular Experience', в сборнике György Széll, Paul Blyton и Chris Cornforth (eds) *Государство, Профсоюзы и Самоуправление (The State, Trade Unions and Self-Management)*. Берлин: издательство de Gruyter, 1989.

⁵ См. Вольфганг Штреек (Wolfgang Streeck), *Ре-Формирование Капитализма (Re-Forming Capitalism)*, Оксфорд, издательство Оксфордского университета (OUP), 2009; Hans-Jürgen Urban, 'Arbeitspolitik unter (Nach-)Krisenbedingungen: Gute Arbeit als Strategie', *Arbeits- und Industriesoziologische Studien* 4(1), 2011.

⁶ Фриц Нафтали (Fritz Naphtali), *Wirtschaftsdemokratie: Ihr Wesen, Weg und Ziel*. Berlin: ADGB, 1928.

⁷ Рудольф Майднер (Rudolf Meidner), *Инвестиционные фонды наемных работников, подход к формированию коллективного капитала (Employee Investment Funds, an Approach to Collective Capital Formation)*. Лондон: издательство Allen & Unwin, 1978.

⁸ SEWA определяет себя одновременно как организацию и как движение женщин, трудящихся на самом краю формальной экономики. Ассоциация имеет многие из характеристик профсоюза, общественной организации и кооператива. См. http://www.sewa.org/About_Us.asp

⁹ Жан-Франсуа Драпери (Jean-François Draperi), *К пониманию социальной экономики: основы, цели и задачи (Comprendre l'économie sociale: Fondements et enjeux)*. Париж: издательство Dunod, 2007; Жан-Луи Лавиль (Jean-Louis Laille), ed., *Солидарная экономика: международный взгляд (L'économie solidaire: Une perspective internationale)*. Париж: издательство Hachette, 2007.

¹⁰ Себастьян Дулльен (Sebastian Dullien), Ханс-йорг Герр (Hansjörg Herr) и Христиан Келлерманн (Christian Keller mann), *Добропорядочный капитализм... и что для этого должно измениться (Der gute Kapitalismus... und was sich dafür nach der Krise ändern müsste)*. Bielefeld: transcript Verlag, 2009.

Ричард Хайман является почетным профессором трудовых отношений Лондонской школы экономики и редактором-учредителем Европейского журнала трудовых отношений (European Journal of Industrial Relations). Он много писал по теме трудовых отношений, коллективных переговоров, профсоюзного движения, трудовых конфликтов и политики на рынке труда. В настоящее время он работает над книгой, в которой проводит сравнительный анализ стратегий профсоюзов в десяти странах Европы.